
Погода в Мельбурне как-то совсем не в кайф
Все сезоны за день – вовсе не эксклюзив.
Сосед мой продал магазинчик и драйв, драйв, драйв
В Брисбен, где круглый год тридцать и голубой залив.

Он держал много лет антикварный сток,
Но вечная сырость вредна для неаполитанской души.
Его испытательный срок давно истек.
Он сказал «факен веза» и свет за собой потушил.

А меня держат цепи, тянущиеся за океан.
Я с каждой из четырех сторон в чем то да убежден.
Даже пьянствовать предпочитаю ходить в русский ресторан.
Я еще на пути, чтобы стать раскрепощенным как он.

*факен веза – чертова погода (англ)

австралийское

И не факт, что «философские стихи»
Пишут от убожества таланта.

Может статься, после русских шей (Хи, хи!)

Земли все для прозы – маловаты.

Никуда не денешься – масштаб,

Здесь рулетка – там зигзаг вселенной,

И никто еще за просто так

Их (брехня?!) не ставил на колени.

(Тут как раз сомнение берет.

Очень уж стенают патриоты,

Что какой-то маленький народ

Им нагадил в материнских сотах).

Но чужой фонетикою слух

Засорен и склонен к диссонансу.

Выбираешь сам – одно из двух,

Правда – слово или правда – пьянство.

С голой жопой (миль пардон!) в руках

Я на величайшей барахолке.

Все со мной – цена невысока,

Хлам подножный, как в бору – иголок.

А вот стейки очень хороши!

Думаете, бриттам льщу? Напрасно.

Для успокоения души

На ночь пошуршу Экклизиастом.

Мы теряем друзей. Не в боях, без торжественных звонов,

Не от грозных недугов, которых врачам не унять.

Замолчали друзья, отключили навек телефоны.

Мы теряем друзей, оттого что не в силах понять.

Мы теряем друзей – не легко, не беспечно, как в детстве,

Собутыльник и тот откровенно пошел «не такой».

И кому-то бы лучше в уютном углу отсидеться,

А он прет на рожон как в последний решительный бой.

Словно снова в атаку пошли конармейские лавы,
(Видно, где-то они хоронились в туманах души).
Мы теряем друзей, как в гражданскую – влево и вправо
Разделились и каждый по правде, по истинной правде решил.

Мы меняли легко долготу, широту и отчизны,
Оставаясь в кругу, не давая его разорвать.
Мы теряем друзей как до срока – куски своей жизни,
Так что нам у черты уже нечего будет терять.

из тетради: «моя эмиграция»

Там, на Родине, время текло медленнее.
Мне пришлось ускоряться, сжимая зубы,
Изгоняя метлой маргинальное мнение,
Что живут за границей другие люди.

Вижу – люди как люди, но фишка такая:
Здесь айфоны, айпеды, типоды и прочее,
А на Родине круглое палкой катают,
А зернистую грузят лопатой в бочки.

И железные скрепы: «авось» да «потом»,
Фанаберия стойких – военка, парады.
И накатанная убежденность в том,
Что стремиться как раз никуда не надо.

Только двинешься, как непременно затор –
Это дело там очинно сильно не любят.
Может, правы они, свято веруя в то,
Что живут за границей другие люди.

Сделаю страшную злость в глазах –
Деревянную маску африканских божков.
В моих мозгах хозяйничает либерал Потифар,
На которого я не пожалел бы десятка рожков.

Я стреляю в мишень, скрытую за кровавым дождем,
Прячу под капюшоном лицо (потому как белая кость).

Те, что черного цвета, совсем не при чем.
Я стреляю в мишень, а попадаю в собственную плоть.

Словно крот рою норы вдоль древних корней.
Как бы ни было это наивно и грустно –
Мне казалось, что я обрусевший еврей,
А во мне созрел объевренный русский

исповедь

Душа моя на ветру дрожит
И строка на бумагу ложится криво.
Верую – Создатель мой грех простит,
Что давно не видел меня счастливым.

Я забыл, когда это было в последний раз.
Может, с той поры как объелся мороженым в детстве,
В день, когда мама сказала: «Факир на час
Ты сегодня. Реформа, сынок – вперед и с песней!».

В моей памяти каждый шаг запредельно крут.
Спотыкаясь о корни навязших в зубах березок,
Нарезаю и нарезаю, как скаковая, за кругом круг.
Только и научился, что смеяться сквозь слезы.

Устремления живы – ни дать, ни взять,
Но за счастьем я как за девкой не бегал.
Мне знакомо – и это уже не отнять –
Только пахнущее чабрецом горьковатое чувство победы.

Завтра сдавать на классность, а Элерт такой тупица
Мы с ним провалимся вместе, черт бы его побрал.
Я одиннадцать месяцев собирал себя по крупичам,
И, вот, такой мне напарник – взводный вчера сказал.

Это отнюдь не интрига, нет в ней антисемитизма,
Фамилии наши рядом, меньше чем в двух шагах.

Шпильман и Элерт в списке лепятся с самого низа
Хотя он родом из Энгельса, а мне земляком – Шагал.

Что-то родное в суффиксах да и в дорожках – тоже,
Его – в Казахстан с Поволжья, моя – с Двины на Урал.
С ним не пересекался за двадцать годочков прожитых,
И тусоваться с Элертом врагу бы не пожелал.

Ночь пробегает быстро, а мне ни за что не спится,
Слышу, как дождевые капли в окно стучат.
Звтра сдавать на классность, а Элерт такой тупица
Тощий, как доходяга, длинный, как каланча.

Тухлая ситуация, как то все очень странно,
Мне хотя бы недельку, я б его подогнал,
Но нет и денечка даже, в армии все по плану
И ротный сказал «С другими – точно ему хана».

Встали у изголовьев стражи – добрые духи,
Чтоб отступила хоть на ночь страдная маята.
Завтра будут в эфире наши бездомные души
Связываться морзянкой ти-ти-ти – та-та-та.

интернационал XXI

И не верьте, не верьте, что, мол, коммунизм побежден –
Где-то там на полставки устроен в далеком Китае.
Это вовсе не так, не спешите кадить на амвон.
Он живеи всех живых и над миром победно витает.

И не мчитесь тотчас посетить его труп – в мавзолей,
Убедиться, что там он, еще раз вздохнуть с облегченьем.
Поезжайте в Америку – это гораздо верней –
Там благ-хата его, климатрон разноцветных течений. .

Все буржуи земли могут не беспокоиться, нет
Им отсрочка – зигзаг (так бывает нередко в истории).

Отменен неудачный, проваленный русский проект.
Все обкатано, слито и все получилось – в Претории.

Аутсайдеры, лузеры, братья (прошу извинить,
Но хиджабы сестер – не распутство досадной ошибки)
Наше дело святое – по-честному все поделить.
Запад сам виноват, что такой стал дебелий и хлипкий.

Вот вам правда без всяких излишних прикрас:
Побывав не однажды у самого краешка рая –
Утверждаю, что люди на свет появляются столько же раз,
Сколько раз в этом мире до срока они умирают.

Ты простился с кем мог, положил на должочки-долги,
На свои – не свои, были не были – это не важно –
Пусть теперь локоточки кусают врагини-враги,
Но остаться в живых, тут уж, как говорится, – «не каждый».

Потому что опять начинать от печурки – с нуля.
Краскам медленно блекнуть, покудова нить не порвется.
Кем ты в этот раз в мир проскользнул, везунок-разгуляй?
Тот, что был – за чертой. Он то уж никогда не вернется.